

В.И. Коровин

«Ветка Палестины»

Вопрос о его датировке стихотворения остается открытым. В прижизненном сборнике стихов (1840) указан 1836; в книге мемуариста А. Н. Муравьева «Знакомство с русскими поэтами» (1871) — конец февраля 1837, а в его же «Описаниях предметов древности...» (1872) — 1836. В наборной копии стихотворение имело помету: «Посвящается А. М.», впоследствии зачеркнутую, так как ко времени публикации («ОЗ», 1839) смысл посвящения, продиктованного конкретными обстоятельствами, отпал. Содержание стихотворения в сопоставлении с контекстом жизни Лермонтова заставляет предположить, что наиболее вероятная дата — февраль 1837; после создания «Смерти поэта» Лермонтову грозила опала, и он искал помощи у Муравьева, который ходатайствовал за него перед Мордвиновым, управляющим III отделением. С этими событиями соотнес «Ветку Палестины» Муравьев:

«Когда же возвратился домой, нашел у себя его записку, в которой он опять просил моего заступления, потому что ему грозит опасность. Долго ожидая меня, написал он, на том же листке, чудные свои стихи “Ветка Палестины”, которые по внезапному вдохновению исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока...».

По воспоминаниям Э. Шан-Гирей, пальмовая ветка была подарена Муравьевым Лермонтовым и хранилась в «ящике под стеклом».

Конкретная ситуация в стихотворении непосредственно выступает в образах христианской новозаветной мифологии, уже освоенных русской поэзией (в том числе Пушкиным, Баратынским). Они предопределены местом написания стихотворения (образная) и устойчивыми символами религиозного Писания и обрядности. С пальмовыми ветвями и восклицанием «осанна!» («спасение!») встречали Христа при въезде в Иерусалим; в Иордане крестился Иисус (отсюда эпитет «чистых» в значении «освященных истинной верой»); с образами «мира и отрады» сопряжены евангельские представления о прощении и спасении. Этим христианским мотивам сопричастен образ «божьей рати лучшего воина», терпящего страдания, духовно непреклонного, твердого в вере и надежде.

На почве христианской мифологии возникает поэтическая образность «Ветки Палестины». «Восточный стиль» в русской поэзии традиционно связан, в частности, с декларацией стойкости и личного мужества. Так, уже отмечена перекличка стихов «Ветки Палестины» с пушкинским воссозданием в «Бахчисарайском фонтане» образа Марии — чистой и твердой в вере («Лампады свет уединенный, / Кивот, печально озаренный, / Пречистой девы кроткий лик / И крест, любви символ священный»; ср. у Лермонтова: «Прозрачный сумрак, луч лампы, / Кивот и крест, символ святой»).

Образная структура стихотворения обнаруживает также точки соприкосновения с формой элегических медитаций Жуковского и Пушкина («Цветок») благодаря развитой системе вопросов, выполняющих мелодическую функцию и осложненных у Лермонтова «сюжетными» намеками. Поэтому мифологическая образность наполняется глубоко личным и обобщенным содержанием, принимающим форму интимного, исповедального раздумья. Оригинальность Лермонтова состоит в переключении мифологической образности в откровенно романтический план и в повышенной символизации единичной психологической ситуации; изначально заданный декоративный и экзотический элемент в стихотворении играет важную содержательную роль; все это позволяет отнести стихотворение к высшим воплощениям самосознания поэта.

За «судьбами» ветки, пальмы, людей встает судьба поэта, и обращения к ветке обретают характер обращений к себе. Вопросы скрывают и одновременно приоткрывают

душевное беспокойство поэта, причем сквозь интимность и уединенность общения проступает пристрастная заинтересованность («Скажи...», «Поведай...»). Поэт, в отличие от благостного мира, пребывает в ином — тревожном — бытии, он не знает «мира и отрады» и по контрасту с веткой («заботой тайною хранима») — беззащитен. Его тоска по лучшему миру выдает напряженное размышление о будущем — близком и отдаленном. Самый мир тревоги не явлен, а лишь подразумевается; стихотворение заканчивается на переломе от гармонии к дисгармонии (Б. Эйхенбаум). Вопросы, адресуемые ветке, проясняют причины самоуглубленности и заостряют внимание на тягостном душевном состоянии поэта, угадывающего в «историях» ветки, пальмы и людей превратности своей предстоящей судьбы.

Намеки на страдания, опасности и жертвенность сливаются с чувствами стойкости, мужества, твердости. Ветка — символ веры, надежды и «божьей рати лучший воин» как бы передает поэту частицу своей непреклонности. Традиционная религиозная символика отражает не только жажду «мира и отрады», которых поэт лишен, и тревогу его духа, но и неизменность, нестигаемость перед лицом настоящих и грядущих испытаний. Предчувствуя страдания, опасности, Лермонтов соотносит себя с «лучшим воином», всегда достойным небес «перед людьми и божеством», и пальмовой веткой («святыни верный часовой»), черпая в человеческом опыте, закрепленном в мифологических образах, волю и неколебимость.

Конкретная ситуация, оставшись зашифрованной, предстала в контрасте двух неслиянных, но соприкоснувшихся миров. Лермонтов переводит мифологию в философско-психологический план и придает стихотворению символическое звучание, благодаря которому в нем совместились идеальные порывы души с предощущением новых катаклизмов, повлекшим ноты тоски и грусти. Рядом с этими мотивами, не отменяя и не искупая их, отчетливо слышны иные: как бы ни был поэт подавлен ожидаемыми гонениями, образы ветки и «воина с безоблачным челом» живут в нем, ибо «мир и отрада» достигаются жертвами и покоя достоин тот, кто с честью выдерживает удары судьбы.